

Y1, C3: Овцы и шляпы

Лето казалось длиннее обычного. Парадоксально, однако, первое сентября наступило слишком быстро; прежде чем Ремус осознал это, он уже прощался с отцом на вокзале Кингс-Кросс. Его окружали толпы людей, и Ремусу было очень холодно. Его пальто так сильно стягивало грудь, что отец забеспокоился, что Ремусу перекроет кровообращение.

«Пока, папа. Не забудь попрощаться с Гаррисоном от меня».

«И тебе лучше писать каждый день», — сказал папа Ремуса.

«Каждый день? Не знаю, смогу ли я это сделать».

«Тогда каждую неделю. И не забудь покормить Буфо».

«Я не забуду покормить Буфо».

«И не заблудись на лестницах».

«Я не потеряюсь на лестницах».

«И не поджигай себя».

"Я не буду... Я мог бы сделать это, на самом деле."

«Ремус! Это не смешно!»

«Извини, папа».

Отец Ремуса понизил голос. — Напиши нам шестого сентября, хорошо?

"Я попытаюсь."

«Серьезно, Ремус. Пожалуйста». Пятого сентября было полнолуние, и Ремус боялся этого больше всего. Он не хотел думать об этом прямо сейчас.

«Я уеду из Хогвартса, папа. Не беспокойся обо мне, я приеду домой, если что-то пойдет не так. Дамблдор сказал, что я могу уйти, когда захочу, помнишь?»

"Конечно. Говори тише. Будь осторожен. И никому не говори; не все такие добрые, как профессор Дамблдор".

«Папа, я знаю». Внезапно поезд свистнул, и Ремусу вдруг стало как-то не по себе. Он был взволнован, или нет? Разве это не было хорошо? Почему он так испугался? Ничего страшного не произойдет... по крайней мере, он так не думал. Ну, я думаю, после таких мыслей я не попаду в Гриффиндор...

«Удачи, Ремус. Я люблю тебя». Ремус улыбнулся и пошел к поезду, задаваясь вопросом, не упадет ли он. Он мог бы вернуться сейчас, но его отец будет очень разочарован. И Ремус тоже, если честно. Мне нужно образование, повторял он про себя, как будто это была какая-то мантра. Это поможет мне.

Он занял первое попавшееся пустое купе и мрачно закрыл дверь. Он надеялся, что больше никто не захочет сидеть там.

Это чувство — это ужасное предчувствие — было очень знакомо Ремусу. Это было то, что он чувствовал в течение двух часов, предшествовавших полнолунию... зная, что она взойдет в любую секунду, что его ждут несколько секунд абсолютной пытки, а затем несколько часов ужасной потери контроля... а затем он снова превратится в пятно боли и проведет день на диване среди обеспокоенных родителей... и он ничего не мог с этим поделать... все, что ему оставалось, это ждать... Но нет. Он бы не подумал об этом.

Дверь открылась, и сердце Ремуса неприятно встрепенулось в груди. Это немного напомнило Ремусу Буфо, который сейчас был в безопасности у него на коленях.

"Кто-нибудь здесь есть?" — спросил тихий голос, похожий на то, что как раз предчувствовал Ремус.

«Ага, прямо здесь», — сказал Ремус. — «Но ты можешь сесть здесь, если хочешь».

Мальчик вошел. Он был довольно пухлым, со светлыми волосами и водянистыми голубыми глазами, совсем не похожими на глаза Дамблдора. — «Ты уверен?»

"Да."

"Спасибо." Мальчик сел напротив Ремуса и начал теревить край рубашки.

Наступила тишина.

Ремус чувствовал себя очень неловко.

«Э, я Ремус».

"Питер."

Тишины стало больше.

"Первый год?"

"Да."

Ещё больше тишины.

Возможно, он не хочет говорить, — подумал Ремус, и это его устраивало. Он вытащил учебник по защите от Тёмных искусств и начал читать, надеясь, что желудок перестанет издавать звуки.

Поезд снова свистнул и тронулся. Ремус оторвался от книги и выглянул в окно в поисках отца. Его отец очень натянуто улыбнулся и помахал рукой. Ремус помахал в ответ. Он продолжал махать рукой, пока станция Кингс-Кросс не скрылась из виду.

Ничто больше не будет прежним, и Ремус не был уверен, что он настроен на хороший исход.

Другой мальчик, Питер, оказался очень разговорчивым — Ремус подумал, что, возможно, это потому, что он нервничал. Мать Ремуса тоже часто болтала, когда нервничала. Всего через пять минут после того, как поезд тронулся, Питер спросил об отце Ремуса. — Это был твой отец, хм?

"Ага."

"У тебя есть братья или сестры?"

Ремус покачал головой. "У тебя?"

«Нет. Даже семьи нормальной нет... только родители моей мамы. У тебя есть дедушка с бабушкой?»

"Я думаю, да... хотя я не видел их много лет." Правда заключалась в том, что родственники Ремуса были не слишком рады родству с оборотнем; большинство из них не хотели иметь с ним ничего общего. Он чувствовал себя немного виноватым, думая обо всех членах семьи, которых отец потерял из-за него. Семья его мамы тоже не была близкой (они были магглами, так что было слишком много секретов, чтобы иметь нормальные отношения) — и, кроме того, все они жили в Уэльсе.

«О, это грустно. Я люблю, когда приезжают бабушка и дедушка. Хотя они думают, что меня дразнить — это весело. Моя бабушка была старостой, когда училась в Хогвартсе. Ты хочешь быть старостой?»

Ремус снова покачал головой. Он не мог представить старосту-оборотня. Честно говоря, он даже представить себе не мог, что останется в Хогвартсе так долго.

«Я тоже. Сомневаюсь, что у меня это хорошо получится, я не очень сообразителен и совсем безответственный. О! Вот и ведьма с тележкой еды.

«Я не очень голоден».

«Серьезно?! Но ты просто должен поесть в Хогвартс-Экспрессе! Это как ритуал посвящения! У тебя есть деньги?»

"Эм, нет, но..."

«Вот, я принесу тебе что-нибудь. Тыквенный паштет или шоколадную лягушку? По моему мнению, они лучше всего остального».

«Право, я не хочу...»

«Значит, шоколадная лягушка. Я настаиваю».

Питер хороший — решил Ремус, разворачивая шоколадную лягушку. Возможно, у Ремуса все-таки появятся друзья в Хогвартсе, хотя от слова «друзья» где-то в глубине души ему становится немного не по себе.

"Ты вероятно, очень умный либо заучка, не так ли?" — спросил Питер. — «Это бы объяснило, почему ты так рано читаешь учебник».

«На самом деле нет. Я просто решил почитать учебник сейчас».

Питер рассмеялся. «Возможно, мне бы тоже стоило этим заняться. Но летом так весело. Это твоя лягушка?»

«Нет. Это мой домашний единорог».

«Что? Мне кажется, это лягушка». Ремус сделал себе пометку избегать сарказма в будущем с этим мальчиком.

«Я просто шучу. Это моя лягушка».

— О, ты меня дразнишь. Я не всегда понимаю шутки, — немного грустно сказал Питер. — Но я стараюсь. Это было очевидно, не так ли? Шутка..

— Все в порядке, — сказал Ремус. «У меня просто странное чувство юмора, иногда его не понимают даже мои родители». Это было правдой. Ему часто приходилось объяснять маме шутки, когда в них упоминались волшебные вещи.

"О! Твоя рука! Ты в порядке?"

Рукав Ремуса соскользнул с его руки, а на руке виднелась довольно неприятная травма, которая еще не совсем зажила после прошлой луны. Его захлестнула волна паники.

— Да... э-э, Буфо меня укусил.

"Буфу?"

«Буфо. Моя жаба».

«О. Я не знал, что у лягушек есть зубы».

— Буфо тоже не знал. Это заклинание не сработало. — сказал Ремус, гордясь своими способностями к импровизации.

Питер понимающе кивнул. «Один из моих друзей практиковал на мне свои заклинания прошлым летом. В итоге у меня появились странные щупальцы на левой руке и фурункулы на правой. Вот и всё. К тому же мама меня вылечила».

Ремус подумал, что друг Питера не самый приятный человек. Он надеялся, что люди не проклянут его в Хогвартсе, хотя он знал, что это вполне реальная возможность, если они когда-нибудь узнают, что он... Нет. Он не стал бы думать об этом. Не сейчас.

Прошло время, и вскоре поезд остановился. Желудок Ремуса снова издал звук, а потом резко прекратил это делать. Ремус смутно подумал, что скоро умрёт.

Двери купе захлопнулись, и из поезда, возбужденно болтая, высыпали дети. По мнению Ремуса, это было слишком. Дома никогда не было так громко.

«Почему ты затыкаешь уши?» — спросил Питер.

Ремус убрал руки от ушей и нервно рассмеялся. — Немного громко, не так ли?

«Я так не думаю. Но, видимо, у меня плохой слух. Мама говорит, что мое пение настолько плохо, что любой может оглохнуть».

Ремус вышел из поезда, Питер последовал за ним. Ремус почувствовал гордость за столь быстрое знакомство. Он решил во что бы то ни стало идти с Питером, который, казалось, уже любил его и мог защитить от толпы.

"Первокурсники, сюда!" — раздался голос слева от Ремуса.

— Пошли, — сказал он Питеру, который, казалось, не слышал голоса, и потянул его к высокому мужчине с очень густой бородой.

Ремус уставился на мужчину и моргнул.

Полувеликан? По крайней мере, так это выглядело. Если в Хогвартсе был полувеликан, то, может быть, только может быть, он был не единственным, кто не был полностью человеком...? Может быть, он был в хорошей компании. Может быть, были и другие ученики с прошлым, связанным с существами, вроде вейлы, или полуэльфа, или... полугоблина... Возможно, в конце концов, он не был таким уж ненормальным.

"Первокурсники, да, вы двое", — сказал полувеликан. «Я Хагрид».

— Э-э. Я Ремус. Это Питер.

— Люпин? Ремус Люпин? Я, конечно, все о тебе слышал!

Ремус почувствовал, что бледнеет. Он, наверное, был именно цвета овсянки, а овсянку совсем не любил. Он хотел, чтобы лицо снова приобрело свой цвет, но, судя по оттенку его рук, его кожа сегодня была не самого приятного цвета.

«Я не должен был этого говорить», - сказал Хагрид, выглядевший весьма обеспокоенным. Ремус предположил, что он сделал это не нарочно. По крайней мере, это утешало. Может быть.

«Все... нормально. Я уверен, что многие профессора помнят моего отца, он был довольно эксцентричным, даже когда учился в Хогвартсе». Ремус улыбнулся, снова почувствовав себя лучшим в мире актером-импровизатором. Питера ничуть не смутил комментарий Хагрида, так что Ремус решил, что ложь удалась.

— Да, да... вот так. Твой папа. Значит, первые годы здесь! Хагрид увел группу, выглядя одновременно благодарным и виноватым. Ремус заметил, что после этого он избегал смотреть на Ремуса. Ремус предположил, что ему, вероятно, следует привыкнуть к отведенным взглядам, если весь персонал узнает о его секрете... нет. Он бы не подумал об этом.

Они с Питером влезли в маленькую лодку вместе с еще одним испуганным мальчиком с мышиными волосами. Было темно, но вдалеке был виден замок — светящийся, как рождественская елка, с башнями высотой с Биг-Бен... Ремус невольно усмехнулся. Какое прекрасное место для жизни. Он не мог не поискать что-то вроде темницы или подвала... но тут же остановил себя. Он собирался наслаждаться в полной мере, даже если это убьет его. Полнолуние длилось недолго (хотя оно было достаточно близко, чтобы заставить Ремуса чувствовать себя плохо и устало, что было постоянным напоминанием о его болезни. Это несколько испортило впечатления от Хогвартса, но он не стал бы на этом заикливаться).

Студенты спустились на гребных лодках и вошли в замок. Непрекращающаяся болтовня наполняла уши Ремуса, и все, что он мог сделать, это держать руки по бокам, вместо того, чтобы прижимать ладони к ушам.

"Такой большой..."

"Вау, посмотри на фонтан!"

«Это Гремучая ива?»

Ремус посмотрел направо. Это действительно была Гремучая ива; он читал о них. Он знал, что находиться так близко к школе было немного опасно, но он не ожидал меньшего от школы, которая позволяла своим ученикам играть в квиддич.

«Обрати внимание на дерево», — сказал Хагрид. — Его посадили только в этом году, и я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. Хагрид впервые взглянул на Ремуса, и Ремус рассеянно задумался, почему.

«Добрый вечер», — сказал голос впереди толпы первокурсников. Ремус не мог толком разглядеть, кто это был, но кто бы это ни был, он пах пергаментом. «Соберитесь — соберитесь».

Студенты медленно расступились, образовав полукруг. Беспорядочное движение толпы чем-то напомнило Ремусу амебу. На самом деле он не знал, что такое амеба, но это слово казалось подходящим для описания того, что происходит.

«Меня зовут профессор МакГонагалл, и в этом году я буду вашим учителем трансфигурации».

Мне не нужна помощь с трансфигурацией, невольно подумал Ремус, а затем чуть не шлепнул себя за мысли, которые должны были омрачить его вечер.

Женщина все еще говорила, но Ремус не слушал: он думал об овцах (самое далекое от волков, о чём он мог думать). «Ты знал, что у овец прямоугольные зрачки?» — спросил он Питера. "И их кожа выделяет..."

— Ш-ш-ш, я пытаюсь слушать, — сказал Питер.

«Конечно, извини». Ремус совершенно не понял, что сказала дама, но решил, что просто пойдет за толпой.

И следуя за толпой, они наконец вошли в Большой Зал. Ремус взглянул на опасно парящие над ним свечи. Казалось, что они могут упасть в любой момент. Но потолок компенсировал это — он был таким же красивым, как и говорил ему отец. Он поймал взглядом почти полную луну над собой, а затем сразу же снова начал думать об овцах. Ремус заметил Распределяющую шляпу, которая выглядела немного иначе, чем он себе представлял после прочтения «Истории Хогвартса». Он был уверен, что шляпа что-то пела, но Ремус был слишком озабочен, чтобы обращать внимание. Овца. Овца, овца... овца... овцаовцаовцаовца.

— Петтигрю, Питер, — сказала профессор МакГонагалл, и Питер с ужасом посмотрел на Ремуса.

«Почему я должен был быть первым?» он прошептал.

— Удачи, — мягко сказал Ремус, но не был уверен, что Питер его услышал. Питер подошел к стулу впереди и надел шляпу на голову, выглядя так, словно его вот-вот вырвет. Она покрывала почти всю его голову.

Наступила тишина.

Больше тишины.

Прошли минуты.

Ремус время от времени слышал шепот Питера (благодаря его обостренным чувствам), но не мог понять, в чем дело.

«Пожалуйста, не отправляйте меня домой, я приспособлюсь, где угодно!»

Может ли Шляпа отправить учеников домой? Что, если Шляпа не захочет сортировать оборотня? Что, если бы Шляпа могла читать его мысли? Ремус попытался вспомнить все, что читал о Распределяющей шляпе, но в панике вся информация вылетела из головы. Остались только факты об овцах и оборотнях, так что Ремус еще немного подумал об овцах.

"ГРИФФИНДОР!" — наконец крикнула Шляпа, и от внезапного звука Ремусу захотелось плакать. Или — еще лучше — уехать домой. Тем не менее, Питер выглядел вздохнувшим с облегчением, и Ремус заплодировал вместе с остальной толпой.

Отсортировано больше половины людей. Еще несколько гриффиндорцев, в том числе Поттер, Джеймс (которого Ремус узнал и горячо заплодировал). Ремус попытался выяснить порядок Сортировки. Кажется, это не по алфавиту, по имени или фамилии. Возможно, это было связано с магическим потенциалом? Значит, Питеру повезло.

— Люпин, Ремус!

Судя по всему, сердце Ремуса не перестало биться. Он услышал, как Буфо ободряюще квакает из кармана. Все взгляды были прикованы к нему, и от этого ему хотелось провалиться сквозь землю. Он оглянулся на учителей и понял — он просто знал — по взглядам, которые они бросали на него, что все они знали о его состоянии. Отвращение. Любопытство. Он ненавидел это, он хотел домой, дурацкий Хогвартс, дурацкие учителя, дурацкая луна, дурацкая Шляпа...

Прежде чем он успел это осознать, шляпа упала ему на голову, и он вообще ничего не видел.

Там было темно, как в подвале, но он определенно не стал бы думать об этом.

Хм, оборотень. Никогда не сортировала таких,— сказала Шляпа. Ремус подпрыгнул.

Пожалуйста, никому не говори, — подумал Ремус.

Шляпа усмехнулась. Все нормально; У меня нет планов делать это. Ну, тебе не подходит Слизерин. Совсем нет. Ты недостаточно эгоистичен, чтобы быть слизеринцем.

Ремус старался не думать ни о чем, связанном с оборотнем. А вы знали, что у овец прямоугольные зрачки? он подумал.

Ты похож на когтеванца. Твой отец был, ты знаешь. Но я не думаю, что ты читаешь лишь ради получения знаний; Я думаю, что это больше амбиции— и скука, конечно, — чем просто любопытство.

Пожалуйста, пожалуйста, никому не говори, — подумал Ремус, — или я... сожгу тебя одной из этих плавающих свечей». А потом скормлю гигантскому кальмару.

Шляпа снова усмехнулась. Пф. Нет, ты не сделаешь этого. Ты и мухи не обидишь. Есть амбиции, есть... и ты, конечно, хочешь проявить себя... но, опять же, ты недостаточно решителен, чтобы быть слизеринцем. Может Пуффендуй?

Оборотень в Пуффендуде. Ремус чуть не рассмеялся.

Почему нет? Твой разум, конечно, отличается от ума других учеников, но не настолько, чтобы я не мог поместить тебя в Пуффендуй...

Отличаюсь от других? Сердце Ремуса упало. Он действительно был другим, потому что был оборотнем, телом, разумом и эмоциями... Ты ошибаешься, с силой подумал он.

Я всегда права, мой мальчик. Но нет, Пуффендуй тоже не подходит. У тебя... слишком много... склонности к хаосу.

Что? Нет.

Да, это так. Ты только что угрожал сжечь меня свечой.

"ГРИФФИНДОР!" — крикнула Шляпа, и Ремус заткнул уши и как можно быстрее снял Шляпу. Он подошел к столу Гриффиндора (он надеялся, что это был стол Гриффиндора; было бы неловко, если бы это было не так), сел рядом с Питером и попытался забыть весь разговор. Гриффиндор? Что? Он не был смелым. Ремус провел все последние пятнадцать минут, думая об овцах, потому что боялся даже думать об оборотнях. Только из-за одного крошечного комментария его определили в факультет, к которому он явно не имеет никакого отношения?

«Поздравляю, Ремус!» — сказал Питер. «Я так счастлив, что мы на одном факультете! Мы станем такими хорошими друзьями!»

Друзья. Это слово до сих пор вызывало у Ремуса мурашки по коже, но он не мог сказать, хорошо это или плохо. «Спасибо, Питер. Я уверен, что так и будет».

Справа от Ремуса заговорил жилистый мальчик в очках. «Ремус, не так ли? Я Рэй Паттл, один из старост Гриффиндора. С тобой все в порядке? Ты выглядишь совсем бледным».

«Я думаю, он всегда бледен», - предположил Питер.

Их прервал крик «ГРИФФИНДОР!» из Шляпы, но этот не был встречен аплодисментами.

"Это Блэк", - прошептал Паттл. «Они все на Слизерине».

Мальчик (Блэк?) издал неприятный радостный возглас и едва не помчался к столу Гриффиндора. Он сделал что-то вроде акробатического прыжка в кресло рядом с Джеймсом, который дал ему пять. Блэк, который, казалось, слишком рвался дать пять, случайно ударил Джеймса по лицу, и Джеймс был так удивлен, что опрокинул пустой кубок, который упал на пол с очень громким лязгом, эхом разнесшимся по всему залу. Большой зал. Джеймс и Блэк начали истерически смеяться, и вскоре за ними начал смеяться весь зал.

«Фостер, Мэриан?» крикнула МакГонагалл сквозь шум: продолжалось Распределение.

Ремус закрыл глаза и подумал об овцах.